

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СТИХА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Стих русской загадки

Обращение к одному из малых фольклорных жанров как к материалу для стиховедческих штудий лишь на первый взгляд может показаться неожиданным. Между тем именно пословицы, поговорки, народные афоризмы, прибаутки и в еще большей мере загадки и «потешки» дают любопытный материал для размышлений о природе стихотворного языка и эволюции его формантов с древнейших времен до наших дней. В настоящее время, когда постматрические формы версификации привлекают все большее внимание, а живое развитие литературы ставит теоретиков все перед новыми и новыми вопросами, когда становится очевидным, что классическое стихосложение было лишь исторически обусловленной и ограниченной формой существования поэзии, изучение малых фольклорных жанров может существенно помочь исследователям в уточнении самого понятия субстанции стиха.

Существует несколько подходов к проблеме версификации: (1) сущность стиха как системы познается в анализе классических форм (у Б. В. Томашевского); 2) изучается генезис литературного стихосложения (у Л. И. Тимофеева); 3) с той же целью рассматриваются пограничные формы (у Й. Грабака, частично у Ю. М. Лотмана, а также у автора этих строк). Малые фольклорные жанры представляют нам еще одну возможность.

С точки зрения стиховой организации они почти не изучены, хотя ни у кого не вызывает сомнения, что большая часть пословиц, загадок, потешек и проч. представляет собой стихи. Особенно очевидным кажется это утверждение в отношении загадок, тексты которых в публикациях всегда графически представлялись как стих у исследователей — отечественных (И. А. Худяков, Д. Н. Садовников, М. А. Рыбникова, В. В. Митрофанова) и зарубежных (М. Кууси, Э. Кёнгэс-Маранда). Загадка отличается особой строгостью построения, канонизированностью приемов. Не случайно именно этот жанр был оценен как «благодарный объект семиотического изучения», «формализованная семантическая структура» которого представляет большой интерес.¹

¹ *Левин Ю. И.* Русская загадка: синтез, структура, отгадывание. — В кн.: Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 36. См. также: *Левин Ю. И.* Семантическая структура русской загадки. — В кн.: Труды по знаковым системам, 6. Тарту, 1973, с. 166—190.

Единственная статья, посвященная нашей теме, принадлежит В. В. Митрофановой.² Вопрос затрагивался также И. И. Вознесенским в ставшей сейчас библиографической редкостью брошюре «О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа» (Кострома, 1908) и в более или менее недавнее время М. П. Штокмаром,³ причем оба автора сосредоточили свое внимание главным образом на пословице, полагая, что загадки дают лишь вариацию перечисленных ими принципов организации языкового материала.

В. В. Митрофанова, констатируя, что границы рядов в загадке чаще всего определяются интонационным и смысловым фактором, ищет в ней унифицирующий стиховой признак. Исследователь обращается ко «времени произнесения» строки и, поскольку в нашем распоряжении нет никаких экспериментально полученных данных, вынужден вступить в область чистого субъективизма, утверждая, что «ритмическое строение русских загадок обусловлено: 1) равным временем, отведенным на произнесение ударного слога с относящимися к нему безударными, количество которых может быть одинаковым, но может и несколько разниться». В качестве другого признака названы «созвучие» слов, окончаний, целых грамматических групп, параллелизм грамматического и ритмического строения суждений.⁴ Последнее утверждение совершенно справедливо, но в нем зафиксирован лишь факт наличия известных ритмико-фонетических формантов, вопрос же о системе стихосложения, организующей загадку, по-прежнему не находит решения.

Вслед за своими предшественниками В. В. Митрофанова стремится подвести все загадки под одну метрическую установку, по критерии силлабо-тоники, как и акцентного стиха, оправдывающие себя в приложении к отдельным произведениям, оказываются неприменимыми к другим, хотя стихотворная природа текста очевидна и в последних.

Парадоксальная ситуация (перед нами стихи, но скольконибудь строгое определение их ускользает от исследователя) связана с тем, что в классический период понятия м е т р а и с т и х а почти совпадали и что по инерции их не разграничивают

---

² Митрофанова В. В. Ритмическое строение русских народных загадок. — В кн.: Русский фольклор, т. XII. Л., 1971, с. 147—161. См. также раздел «Ритмическое строение загадок» в кн.: Митрофанова В. В. — Русские народные загадки. Л., 1978, с. 121—133. Для характеристики общего состояния вопроса приведем несколько строк из вузовского учебника: «Они (т. е. загадки, — А. Ж.) создаются в форме ритмизированной прозы. Как и в пословицах, в загадке очень широко употребляется парная рифма. В результате многие загадки имеют форму стиха <...> Специфика „хитрого жанра“ в том, что иногда в нем рифма загадки подсказывает рифму отгадки». (Кравцов П. И., Лазутил С. Г. Русское устное народное творчество. М., 1977, с. 92.) Сами формулировки здесь очень неточные: непонятно, где же проходит граница между «ритмической прозой» и стихом. Кроме того, одно из слов, входящих в рифму, не может быть названо рифмой.

³ Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток. Звезда Востока, 1965, № 11, с. 149—164.

⁴ Митрофанова В. В. Русские народные загадки, с. 132.

даже и сейчас во многих трудах, как отечественных, так и зарубежных. (Наши вузовские и школьные учебники, например, рассматривают как стих только метрические формы). Между тем для определения границы между стихом и прозой необходимо помнить, что метрическая или — допустим еще — рифменная сопоставленность рядов не есть единственная возможность осуществления стиха. В работах последних десяти—пятнадцати лет это показано достаточно убедительно, в частности у Ю. М. Лотмана, который пишет: «Стихотворная форма родилась из стремления поставить различные по значению слова в максимально эквивалентное положение. Используя все виды эквивалентности: ритмической, фонологической, грамматической, синтаксической, — поэтическая структура подготавливает восприятие текста как построенного по закону взаимной эквивалентности частей».⁵

«Генеральный» признак всякого стиха весьма точно был охарактеризован в посмертной статье Е. Д. Поливанова, по нашему мнению, до сих пор недостаточно оцененной литературоведами. Е. Д. Поливанов, в частности, писал: «К поэзии мы относим всякую пьесу, словесный материал которой обнаруживает организованность по тому или иному фонетическому моменту (помимо и независимо от своей смысловой организованности), прозой — наоборот, все то, где эта фонетическая организованность отсутствует».⁶ Важно подчеркнуть, что у автора речь идет не о «сквозном» принципе организованности, а об установке на организованность, независимую от семантической. Повтор фонетических представлений (у Поливанова — фонетических представлений) в стихе оказывается, таким образом, более полным и объемлющим признаком, нежели та или иная метрическая организация. Регулярность повторов, преобладающая в литературных системах до XX в., не есть, однако, обязательная закономерность любой версификации. Разграничивая повторы канонизированные и факультативные, Поливанов справедливо указывал, что для целых эпох и направлений соотношения обоих типов не безусловны. С учетом этого положения в наших работах рассматривался верлибр (постметрическая структура), средства соотнесения рядов в котором свободно меняются в пределах одного произведения.⁷

Народное стихосложение, если говорить о русской былине, украинской думе, казахской эпической поэме, малайских пантунах и т. д., дает исследователям образцы фольклорных произведений, организуемых как однородные в версификационном отношении тексты. Между тем подобный подход в последнем случае, как уже говорилось, оказывается непродуктивным.

⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 205.

⁶ Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — Вопросы языкознания, 1963, № 1, с. 105.

⁷ См.: Жовтис А. Л. Проблема свободного стиха и эволюция стиховых форм. Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Киев, 1975.

Важная черта построения загадки — логизированность в развертывании метафорической картины: она почти всегда состоит из нескольких семантических блоков, грамматически актуализированных и обнаруживающих явную симметрию построения. Эта симметрия и создает первое условие для ритмико-фонетического соотношения выделенных звеньев речевого потока. К примеру:

№ 1. Летом спит, Зимой ест, Тело тепло, А крови нет. (Печь. 126а) ⁸	Илл: № 2. Возьму пыльно, Сделаю жидко; Брошу в пламень — Будет, как камень. (Пирог. 532)
--	--

Безусловность членения текста на четкие ритмические единицы здесь, как почти во всех других произведениях жанра, поддерживается отчетливостью синтагматических связей внутри каждой из них. Благодаря этой заданности и выявляется соотношенность рядов на разных формальных уровнях, из которых, естественно, первым привлекает внимание метрический. В загадке № 1 строки двухударны и фиксированы мужской клаузулой, в № 2 та же двухударность, вообще часто обнаруживаемая в произведениях жанра, сочетается с женским окончанием и рифмой (*пламень — камень*). В том и другом случае синтаксический параллелизм конструкций обуславливает однородность интонации, с которой произносятся строки.

В загадке «Конь стальной, // Хвост льняной» (Игла с ниткой, 635) к двухударности рядов двустипия и рифме добавляется полная их метро-ритмическая идентичность (воздержимся от искушения наименовать эти строки хореем).

Рифма, как это давно замечено, оказывается одним из наиболее демонстративных средств подчеркивания формальной эквивалентности рядов в загадке. В отличие от былины или лирической песни, где «многозвучные» (назовем их так условно), т. е. состоящие из сложных фонемных комплексов, рифмы используются крайне редко, рифмы здесь (если уж они есть!), как правило, богатые, заметные и яркие. Установка неизвестных народных поэтов на звуковое корреспондирование не вызывает ни малейшего сомнения. Оно редко является лишь результатом грамматического параллелизма. «Новаторские», словно бы в духе современной русской поэзии, созвучия встречаются в загадках очень часто: *орда — одна, верещит — перещиб, гагара — скакала, Макар — скакал, шарик — шарит, Софья — сохнет, торчат — корчаг, павы — пали, вялый — дьявол, хохлом — поклон, стакан — скакал* и т. д., и т. п. и даже — *малый — милый, бык — бок* и проч. Такие рифмы очень эффективны.

Однако рифма не является непременно компонентом формы загадки подобно тому, как дактилическая клаузула, например,

⁸ Загадки русского народа. Сост. Д. Н. Сядовников. М., 1959, с. 41. Далее указываются в скобках номера загадок по этому изданию.

может быть названа обязательным компонентом конструкции былинного стиха:

№ 3. Суну, посуну
В золотую посуду,

Там поколочу,
Назад поворочу.

(Кочерга. 58)

Конечно, стиховая организованность в процитированных четырех двухударных строчках, описывающих кочергу, бесспорна. Но сквозное рифмование рядов может быть и нарушено (к примеру, строка четвертая остается незарифмованной), а отсутствие рифменного завершения в таком случае не воспринимается как дефект формы (примеры см. ниже).⁹

Отгадка, т. е. расшифровка метафоры, составляющей загадку, обычно не коррелирует с текстом на формальном, т. е. ритмико-фонетическом уровне (название предмета или предметов — это полностью независимая в указанном отношении часть текста). Исключением тут является случай, когда ответ рифмуется с завершающим словом прямого вопроса:

Что в избе любо?
Блюдо.

Илл:

Сквозь стену торчок?
Сучок.

Повышение голоса, обусловленное вопросительной интонацией (голос вверх), подчеркивает и выделяет слово *любо*. Ответ (если он дан) формально завершает диалогическое высказывание. Еще реже разгадка «рифмуется» в загадку, когда грамматически выраженного вопроса нет. Вот пример: *Летел, // Гудел // Дюк*. Ответ: *Жук*.¹⁰

Выше были приведены четырех-, трех-, двух- и однозвенные загадки. Но в составе русских загадок есть и большое число многозвенных (объемом более четырех строк):

№ 4. Стоит столбом,
Горит огнем,
Ни жару,
Ни пару,
Ни угольев.

№ 5. Лежит брус
На всю Русь;
Если бы руки да ноги,
То бы встал
Да и до неба достал;
А если бы рот да глаза,
То все рассказал.

(Свеча. 217)

(Дорога. 1379)

⁹ Отсутствие рифмы в частушке, например, воспринимается как несовершенство формы. Как известно, многие исследователи связывают происхождение рифмы в частушке с поговоркой, поговоркой, загадкой (см.: *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. М., 1973, с. 187).

¹⁰ «Можно показать, что отгадка участвует даже в формировании стилистических черт, определяющих описательную часть загадки, таких как аллитерация, рифма или отбор согласных в словах». (*Кенгес-Маранда Э.* Логика загадки. — В кн.: Паремнологический сборник. Составление, редакция и предисловие Г. Л. Пермякова. М., 1978, с. 252).

№ 6. Крылья орловы,
Хобота слоновы,
Груды конные,
Ноги львиные,
Носы железные,
Мы их бить,
А они — пашу кровь пить.
(Комары. 1712)

№ 7. Рассыпался горох
По сту дорог,
Никто его не берет,
Ни царь, ни царица,
Ни красна девица,
Ни бела-рыбца.
(Небо и звезды. 193)

Иногда исследователи говорят о затруднениях в определении системы версификации в произведениях малых фольклорных жанров, поскольку ритмическая инерция в них «не успевает установиться» (М. П. Штокмар). В представленных выше четырех загадках текст достаточно объемен. Сложность возникает из-за того, что ни одна из них не подчинена целиком какому-либо унифицируемому принципу построения стиховой речи.

Рифменная система (раек) в № 4, 5 перебивается колостой строкой, двухударность в № 6 нарушена в строках 6 и 7 (обращает на себя внимание, однако, что именно 6-й и 7-й ряды рифмуются, как и 1-й и 2-й). В № 7 есть необычная для русского стиха трехкомпонентная рифмовка, причем в строках 4—5—6 возникает разноударность в созвучиях (*девица — рыбаца*. Впрочем, здесь, видимо, возможно и *девица* е рифмоидом *девица — рыбаца*), ставящая под сомнение основополагающую установку.

Приведем еще несколько текстов.

№ 8. Бежит котик,
Разинувши ротик.
(Сковородник. 67)

№ 9. Не грёшна, а повешена.
(Птица в клетке. 1663)

№ 10. Выпуча глаза сидит,
По-французски говорит,
По-блошьи прыгает,
По-человечьи плавает.
(Лягушка. 1685)

№ 11. Без крыл летит,
Без ног бежит,
Без огня горит,
Без ран болит.
(Ветер, туча, солнце,
сердце. 1993)

№ 12. Не хирела,
Не болела,
А саван надела.
(Земля под снегом.
2067)

№ 13. Одного не знаю,
Другого не вижу,
Третьего не помню.
(Смерть, возраст,
рождение. 2071)

№ 14. Лежит дерево беспрутое,
На него летит птица бескрылая,
Приходит девица безротая
И съедает птицу бескрылую.
(Снег, земля,
солнце. 2071)

№ 15. Хожу на голове,
Хотя и на ногах,
Хожу я басюком,
Хотя и в сапогах.
(Гвоздь
в сапоге. 688)

№ 16. Сидит на ложке,
Свесив ножки.
(Лягушка. 536)

№ 17. Разошлись все мальчики
Во темны чуланчики,
Каждый мальчик
В свой чуланчик.

(Пальцы в перчатке. 72)

№ 18. В мясном горшке
Железо кипит.

(Удила. 1030)

Отобранные здесь произведения иллюстрируют едва ли не все возможные в загадках средства связывания стиховых рядов: видимость метрической организации классического типа в № 15, в отдельных сочетаниях строк в № 10, 11, 12, 17, установку акцентного стиха в № 8, 10 — 18 (также в отдельных сочетаниях), *райка* — *ведзе*, кроме № 9, 13, 14, 18. Иначе говоря, в них налицо первичные стиховые форманты — размер и рифма, связывающие если не весь, то хотя бы часть текста. С другой стороны, вторичные стиховые форманты в этих произведениях особенно заметны, броски. Важнейшим из них, по нашим наблюдениям, охватывающим большое число загадок, оказывается синтаксический параллелизм, которому подчиняются иногда произведения целиком, иногда же — часть их (№ 10—13, 15). Реже встречаются разного типа аллитерации, включая звуковые анафоры, как, например, в такой загадке:

№ 19. Сред двора
Стоит кошна,

Спереду — вилы,
Сзаду — метла.

(Бык. 922)

№ 14 дает сравнительно редкий случай использования сквозного повтора дактилической клаузулы («былинной») как основного для данного произведения стихообразующего приема. Необходимо обратить внимание и на то, что завершающие строки слова (*беспрутое, бескрылая, безротая, бескрылую*), одинаковые по слоговому составу и начинающиеся тождественным звуковым комплексом (приставкой *без*), служат достаточным указанием на завершение строки. Лексические анафоры, традиционная для загадок интонация перечисления, противительные союзы, также являющиеся своего рода сигналом, — все эти дополнительные приемы членения высказывания на звенья поддерживаются произносительной традицией, согласно которой текст загадки, как и пословицы, выделяется из речевого потока и произносится ясно и размеренно.

Забавная и весьма оригинальная загадка «В мясном горшке железо кипит» (Удила), конечно, может оцениваться как прозаическая, но уже высказывание «Не грешна, а повешена» (Птица в клетке) содержит нетрадиционное созвучие и в контексте всех прочих загадок делится на два звена (если угодно, стиха), как и другие произведения жанра, использующие противительный союз в качестве сигнала. Кстати, рассматривая в уже упоминавшейся выше работе фонетический *point* загадки, Ю. И. Левин доказал с помощью критерия χ^2 наличие отрицательной корреляции между показателем фонетической организованности (рифмой)

и антитезой (формальный признак — использование противительного союза *a*).¹¹ Интересно было бы провести проверку взаимозависимости и других признаков формальной организации загадки, являющихся для нее традиционными.

Разумеется, грань между «прозой» и «стихом» во многих случаях отличается зыбкостью и неопределенностью, но разве более определенной можно считать область значений для этих понятий, когда мы дифференцируем «верлибр» и «неверлибр» или формы верлибра? Наиболее близкие к «прозе» разновидности последнего (прозостих или прозовик) часто имеют единственное формальное отличие от прозы — специфическое графическое членение. Поскольку в случае загадки, произведения устного народного творчества, этот критерий (для собирателя-фольклориста) отпадает, часть загадок приходится считать «чистой» прозой.

Выводы. 1. Членение на звенья (=стиховые ряды) и соответственно им установка на ритмико-фонетическую соотнесенность их в общем корпусе русских загадок бесспорны. Следует рассматривать весь этот корпус как некий «архитекст», организованный согласно законам стихотворного языка и специфической организации его в стихотворной речи, как совокупность текстов, подчиняющихся общей закономерности построения.

2. Стиховая система загадок определяется как неоднородная (гетероморфная), в которой используются факультативно (окказионально, «на выбор») для данной конструкции, данного текста или его части как первичные, так и вторичные стихообразующие средства начиная с классических метров (возможно, под влиянием книжной литературы, загадок XVIII в.), акцентного принципа (народного стиха), рифмы и кончая различными частными приемами соотнесения рядов, включая синтаксический параллелизм, лексические и звуковые повторы и другие средства формальной симметризации строк. При этом смена мер повтора наблюдается в пределах одного произведения, так что исследователь зачастую может констатировать факт неоднородности стихового построения загадки, не выходя за пределы одного текста.

---

¹¹ Левин Ю. И. Семантическая структура русской загадки.